

УДК 37.013.42
ББК 446.46

ГРНТИ 14.01.11; 15.21.55; 15.81.21

Код ВАК 5.8.1; 5.3.4

Назаров Владимир Лазаревич,

SPIN-код: 9437-4286

доктор педагогических наук, доцент, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; профессор, Институт развития образования Свердловской области, 620066, Россия, г. Екатеринбург, ул. Академическая, 16; e-mail: v.l.nazarov@urfu.ru

Авербух Наталья Владимировна,

SPIN-код: 8652-5602

старший преподаватель, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: natalya_averbukh@mail.ru

Буйначёва Анна Владиславовна,

заведующий лабораторией, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: a.v.buinacheva@urfu.ru

**СВЯЗЬ МЕЖДУ ТИПОМ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ПОВЕДЕНИЯ,
ТИПОМ КИБЕРАГРЕССИИ И КИБЕРБУЛЛИНГОМ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: подростки; общеобразовательные учебные заведения; кибербуллинг; травля в Интернете; интернет-технологии; интернет-коммуникации; жертвы кибербуллинга; агрессивное поведение; киберагрессия; межличностное поведение

АННОТАЦИЯ. Основной проблемой данного исследования является кибербуллинг среди детей школьного возраста и его психологические предикторы. В качестве основного предиктора выбран тип межличностного поведения: властный-лидирующий, независимый-доминирующий и т. п. Как эти типы межличностного поведения проявляют себя в ходе кибербуллинга, в стратегиях представителей различных ролей (жертва, преследователь, свидетель)?

Целью данной работы является установление связи между типом межличностного поведения и параметрами кибербуллинга.

Методология и методы исследования. В рамках данного исследования использовались такие методы, как онлайн-анкетирование, а также психологические опросники (опросник «Тип киберагрессии» К. С. Рунионса в адаптации С. С. Антипиной, опросник ДМО Т. Лири в адаптации Л. Н. Собчик). Кроме того, применяются методы математической статистики.

Основные результаты. Выявлена связь между типами межличностного поведения и участием в кибербуллинге. Наиболее сильна такая связь для таких октантов, как «Недоверчивый – скептический» (неконформный октант) и «Зависимый – послушный» (комформный октант).

Научная новизна результатов: впервые установлена связь между типом межличностного поведения и участием в кибербуллинге, а также типом киберагрессии.

Практическая и теоретическая значимость. Результаты данного исследования могут быть основанием для разработки методических рекомендаций по профилактике кибербуллинга и киберагрессии. Данное исследование позволяет установить взаимосвязь между таким психологическим свойством, как тип межличностного общения, и участием в кибербуллинге.

Содержательные выводы. Показана связь между типом межличностного общения и участием в кибербуллинге. Жертвой внутришкольного кибербуллинга становится наиболее замкнутый и недоверчивый ребенок, тогда как наиболее зависимый и послушный скорее станет рядовым участником травли. Проявления киберагрессии связаны с участием в кибербуллинге в любой роли, образуя, таким образом, замкнутый круг: чем больше ребенок подвергается кибербуллингу, тем более он сам склонен к киберагрессии, таким образом, становясь преследователем.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Назаров, В. Л. Связь между типом межличностного поведения, типом киберагрессии и кибербуллингом / В. Л. Назаров, Н. В. Авербух, А. В. Буйначёва. – Текст : непосредственный // Педагогическое образование в России. – 2023. – № 6. – С. 70–79.

Nazarov Vladimir Lazarevich,

Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin; Professor, Institute for the Development of Education of the Sverdlovsk Region, Ekaterinburg, Russia

Averbukh Natalia Vladimirovna,

Senior Lecturer, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Buinacheva Anna Vladislavovna,

Head of Laboratory, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

**THE RELATIONSHIP BETWEEN THE TYPE
OF INTERPERSONAL BEHAVIOR AND CYBERBULLYING**

KEYWORDS: teenagers; general education institutions; cyberbullying; cyberbullying; Internet technologies; Internet communications; victims of cyberbullying; aggressive behavior; cyber aggression; interpersonal behavior

ABSTRACT. The main problem of this study is cyberbullying among school-age children and its psychological predictors. The type of interpersonal behavior is chosen as the main predictor: domineering-leading, independent-dominant, etc. How do these types of interpersonal behavior manifest themselves during cyberbullying, in the strategies of representatives of various roles (victim, stalker, bystander)?

The purpose of this work is to establish a connection between the type of interpersonal behavior and the parameters of cyberbullying.

Methodology and methods of research. Within the framework of this study, such methods as online questionnaires, as well as psychological questionnaires were used (the questionnaire "Type of cyber aggression" by K. S. Runions in the adaptation by S. S. Antipina, the questionnaire by DMO T. Leary in the adaptation by L. N. Sobchik). In addition, methods of mathematical statistics are used.

The main results. The connection between the types of interpersonal behavior and participation in cyberbullying has been revealed. Such a connection is strongest for such octants as "Distrustful – skeptical" (nonconformal octant) and "Dependent – obedient" (conformal octant).

Scientific novelty of the results: for the first time, a connection was established between the type of interpersonal behavior and participation in cyberbullying, as well as the type of cyber aggression.

Practical and theoretical significance. The results of this study can be the basis for the development of methodological recommendations for the prevention of cyberbullying and cyber aggression. This study allows us to establish the relationship between such a psychological property as the type of interpersonal communication and participation in cyberbullying.

Meaningful conclusions. The connection between the type of interpersonal communication and participation in cyberbullying is shown. The victim of school cyberbullying becomes the most closed and distrustful child, while the most dependent and obedient is more likely to become an ordinary participant in bullying. Manifestations of cyber aggression are associated with participation in cyberbullying in any role, thus forming a vicious circle: the more a child is exposed to cyberbullying, the more he himself is prone to cyber aggression, thus becoming a bully himself.

FOR CITATION: Nazarov, V. L., Averbukh, N. V., Buinacheva, A. V. (2023). The Relationship between the Type of Interpersonal Behavior and Cyberbullying. In *Pedagogical Education in Russia*. No. 6, pp. 70–79.

Введение. Статья продолжает цикл исследований буллинга и кибербуллинга среди обучающихся школьного возраста. Предыдущие результаты были опубликованы в работах [3–5].

Одним из аспектов цифровизации образования является перенос межличностных отношений и групповых процессов в виртуальную среду. Буллинг, одна из серьезных проблем школьных сообществ, так же актуальна и при общении в Интернете. С развитием техники и возможностей онлайн-общения у учеников появилась возможность перенести травлю в интернет-пространство, тем самым превращая ее в круглосуточное явление, не прекращающееся, даже когда ее участники расходятся по домам после окончания учебного процесса. Опасность как буллинга, так и кибербуллинга в том, что данные процессы могут протекать в среде обучающихся скрыто от взрослых. Возможность неявного протекания травли затрудняет противодействие, так как со стороны ситуация может представляться благополучной. По этой же причине реальный масштаб явления не очевиден и нуждается в оценке и регулярном уточнении.

На сегодняшний день проблема кибербуллинга является крайне важной и значимой во всем мире. Травля отрицательно влияет на всех участников: виктимизирует жертву, в крайних случаях доводя до синдрома выученной беспомощности, приучает преследователя к деструктивным способам

решения социальных задач, создает негативную атмосферу в учебном заведении.

Цель исследования состоит в установлении связи между ролью в кибербуллинге и типом межличностного поведения.

Основная гипотеза исследования: участие в кибербуллинге в той или иной роли (жертва, преследователь, свидетель), стратегии поведения в рамках этой роли, а также тип киберагрессии связаны с типом межличностного поведения.

Задачи исследования:

1. Сформировать опросник, посвященный исследованию кибербуллинга среди школьников Свердловской области.

2. Установить связь между параметрами кибербуллинга и киберагрессии и типом межличностного общения.

Обзор. Прежде чем говорить о кибербуллинге, необходимо определить понятие буллинга вообще. Понятие буллинга описал шведско-норвежский психолог D. Olweus. Он выделил следующие критерии традиционного буллинга:

1. Преднамеренность.
2. Повторяемость.
3. Дисбаланс сил.

Таким образом, традиционный буллинг происходит по желанию преследователя, намеренно, неоднократно повторяется, и преследователь всегда сильнее, обладает большей властью и возможностями, чем жертва.

В противном случае может идти речь о случайном столкновении или ссоре равных

[13].

N. E. Willard в работе [15] дал определение кибербуллинга: кибербуллинг – это жестокость по отношению к другим путем отправки или размещения вредоносных материалов или участия в других формах социальной жестокости с использованием Интернета или других цифровых технологий [15].

Неизбежно встает вопрос: применимы ли критерии традиционного буллинга к кибербуллингу. В работе [11] обсуждаются критерии кибербуллинга, причем к трем критериям традиционного кибербуллинга добавлены также анонимность и публичное против частного (т. е. осуществление кибербуллинга на глазах у всех, а не в частной переписке). В исследовании, проведенном на базе шести европейских стран, в качестве ключевых критериев были выделены дисбаланс власти и повторяемость. Несколько меньший вес имел такой критерий, как анонимность. Как можно увидеть, повторяемость, согласно этому исследованию, не является обязательным признаком кибербуллинга в отличие от традиционного буллинга [11].

Особенную опасность кибербуллинг приобретает в связи с тем, что лица, занимающиеся кибербуллингом, не могут видеть немедленных последствий своего издевательства над жертвой. Любой ответ, который может быть предложен жертвой, может быть задержан в зависимости от того, когда жертва узнает о кибербуллинге (например, проверяет текстовое сообщение, просматривает веб-сайт). Эта проблема со временем предполагает, что, возможно, за двумя типами агрессивного поведения стоят разные мотивы. То есть мотивы совершения кибербуллинга могут быть более внутриличностными, тогда как мотивы традиционного буллинга могут быть более межличностными. Другими словами, хотя для изучения этого предположения необходимы эмпирические исследования, вознаграждение за участие в кибербуллинге может быть больше связано с выполнением действия, чем со свидетелем последствий этого действия или с тем, чтобы другие «прохожие» становились свидетелями последствий агрессивного поведения преследователя в отношении жертвы [10].

В некоторых исследованиях кибербуллинг определяется как подвид такого явления, как киберагрессия. Так, например, в работе 2010 года [9] понятие «киберагрессия» включает в себя широкий спектр действий, отличных от кибербуллинга. Это преднамеренный вред, причиняемый с использованием электронных средств лицу или группе лиц независимо от их возраста,

которые воспринимают такие действия как оскорбительные, уничижительные, вредные или нежелательные. Поведение с использованием мобильных телефонов или Интернета для издевательств, домогательств, преследований, оскорблений, нападений или враждебности, а также агрессивное поведение, такое как групповое избиение со съемкой этого на видео, «аутинг» и «флейм», классифицируются как «киберагрессия». Это определение не фокусируется на дисбалансе сил или повторении действия, которые являются критериями кибербуллинга.

K. S. Runions была предложена типология киберагрессии. Разработанная им модель опирается на типологию агрессии, которая использует различие между реактивным и проактивным путем, различая агрессию, основанную на аффективном мотиве (инициативную или ответную), и агрессию, различающуюся по степени самоконтроля (импульсивную или произвольную). Эта типология дает информацию для анализа психологических процессов, связанных с индивидуальными различиями, которые имеют отношение к агрессивной деятельности подростков. Задействованные процессы включают активацию враждебной схемы, гнев и усталость, влияющие на самоконтроль, гневные размышления, эмпатическую неудачу, передачу возбуждения и поиск острых ощущений. После установления этих процессов предлагаемая модель фокусируется на том, как функции социальных онлайн-платформ могут создавать возможности для различных типов агрессии, действуя эти процессы у пользователей-подростков. Особенности онлайн-настроек, которые предоставляют различные возможности для активации этих процессов, рассматриваются для каждого процесса, включая неоднозначность социальных сигналов, временную задержку, постоянство сигналов, анонимность, постоянное восприятие аудитории, а также доступность онлайн-игр и онлайн-порнографии. Для каждого из концептуально обоснованных процессов, связанных с киберагрессией, представлены последствия для инновационных направлений исследований подростковой киберагрессии [14].

Необходимо также упомянуть роли кибербуллинга, которые определяются точно так же, как и роли традиционного буллинга. D. Olweus в работе [13] выделяет такие роли, как «чистые жертвы», «чистые преследователи» и «жертва-преследователь».

Также важны роли свидетелей, т. е. тех, на глазах у кого происходит кибербуллинг [7; 8; 12].

Подход D. Olweus можно назвать биографическим, т. е. он определяет роль

школьника в буллинге на основании того, кем тот успел побывать в течение своей жизни. В рамках данной работы применяется ситуативный подход: мы определяем роль внутри каждого эпизода отдельно, не интересуясь, участвовал ли этот конкретный респондент в нескольких ролях одновременно.

Методы исследования. Для решения поставленных задач использовался комплекс исследовательских методов, применение которых определялось спецификой каждого этапа: теоретических (изучение и анализ научной литературы по проблеме; анализ, обобщение и систематизация данных исследований; эмпирических (анкетирование, диагностические опросники); методов математической статистики (критерий корреляции Пирсона).

В качестве диагностических методик применялись: авторский опросник; опросник диагностики межличностных отношений Лири (ДМО), адаптированный Л. Н. Собчик; опросник типологии киберагрессии К. С. Рунионса, адаптированный С. С. Антипиной, авторские кейсы с ситуациями кибербуллинга.

Для определения участия в кибербуллинге в той или иной роли был использован опросник, описанный в работах [3; 5] и измененный на основании результатов исследования, описанного в [4]. В данной работе используются только результаты вопросов-дискриминаторов каждого блока, определяющие сам факт участия респондента в кибербуллинге в той или иной роли. Как и в

предыдущих исследованиях, нами выделялся внутришкольный и внешкольный кибербуллинг, а роль преследователя разделялась на агрессора (того, кто сам осуществляет кибербуллинг), подстрекателя (того, кто предлагает это сделать другим) и рядового участника (того, кто действует по чужой указке).

Опросник «Типология киберагрессии», созданный К. С. Runions, был переведен и адаптирован на русский язык С. С. Антипиной. Структура русской версии опросника соответствует предложенной К. С. Runions и представлена следующими факторами/шкалами: импульсивно-ответная киберагрессия, произвольно-ответная киберагрессия, произвольно-инициативная киберагрессия, импульсивно-инициативная киберагрессия [1].

Опросник ДМО Лири, адаптированный Л. Н. Собчик, состоит из восьми октантов, каждый из которых отражает определенный стиль межличностного взаимодействия индивида со средой [2; 6].

Экспериментальная база исследования: МАОУ гимназия № 35.

Выборка испытуемых. В научном исследовании приняли участие 251 школьник 5–11 классов гимназии № 35.

Возрастные характеристики респондентов: от 11 до 18 лет. Распределение респондентов по половому признаку: девочки – 59%, мальчики – 41%.

Результаты. Была рассчитана связь между показателями киберагрессии и показателями опросника Лири (с помощью критерия корреляции Пирсона).

Таблица 1

Значение корреляции Пирсона между показателями киберагрессии и показателями опросника Лири

Октанты опросника Лири	Показатели киберагрессии				Суммарный показатель киберагрессии
	Импульсивно-ответная киберагрессия	Произвольно-ответная киберагрессия	Произвольно-инициативная киберагрессия	Импульсивно-инициативная киберагрессия	
I Властный – лидирующий	0,04	0,13	-0,03	0,03	0,05
II Независимый – доминирующий	0,25	0,20	0,17	0,19	0,24
III Прямолинейный – агрессивный	0,19	0,16	0,14	0,11	0,18
IV Недоверчивый – скептический	0,31	0,29	0,22	0,22	0,31
V Покорный – застенчивый	0,12	0,15	0,06	0,03	0,11
VI Зависимый – послушный	0,19	0,19	0,18	0,19	0,22
VII Сотрудничающий – конвенциональный	0,02	0,13	-0,09	-0,03	0,01
VIII Ответственный – великодушный	-0,0005	0,12	-0,03	-0,01	0,03
Общие показатели опросника Лири					
Доминирование	-0,12	-0,03	-0,14	-0,07	-0,10
Дружелюбие	-0,24	-0,08	-0,23	-0,18	-0,21

Примечание: жирным шрифтом указаны значимые корреляции. Критические значения корреляции $r_{кр.} = 0,124$, $p < 0,05$, $r_{кр.} = 0,163$, $p < 0,01$.

Как видно из таблицы 1, существует устойчивая связь между видами киберагрессии и октантами опросника Лири. То есть усиление каких-то качеств, проявляющихся в межличностном общении, связано с большей тягой совершать киберагрессию, как импульсивную, так и произвольную, как ответную, так и инициативную.

Со всеми видами киберагрессии связаны следующие октанты:

1. II октант «Независимый – доминирующий».

2. IV октант «Недоверчивый – скептический».

3. VI октант «Зависимый – послушный».

III октант «Прямолинейный – агрессивный» связан со всеми видами киберагрессии, кроме импульсивно-инициативной киберагрессии.

Практически не связаны с киберагрессией следующие октанты:

1. I октант «Властный – лидирующий».

2. V октант «Покорный – застенчивый».

3. VII октант «Сотрудничающий – конвенциальный».

4. VIII октант «Ответственный – великодушный».

I, V, VII октанты имеют связь только с произвольно-ответной киберагрессией, VIII не связан с киберагрессией.

Как можно увидеть, произвольно-ответную киберагрессию усиливают практически любые личностные свойства, проявляющиеся в общении. Несмотря на кажущееся сходство, III октант «Прямолинейный – агрессивный», в крайних своих проявлениях связанный с агрессивностью, упорством, недружелюбием, несдержанностью и вспыльчивостью [2], обладает далеко не самой высокой связью со всеми видами киберагрессии и вовсе не связан с импульсивно-инициативной киберагрессией.

Наиболее сильна связь между всеми видами киберагрессии и IV октантом «Недоверчивый – скептический», связанным со скептицизмом, обидчивостью, склонностью к критицизму и подозрительности, причем эта связь сильнее всего в первую очередь с ответными видами киберагрессии.

Обращает на себя внимание, что из конформных октантов только один полностью свободен от связи с киберагрессией – VIII октант «Ответственный – великодушный», связанный с готовностью помогать окружающим, альтруизмом, ответственностью и мягкосердечием. Еще один, напротив, связан со всеми видами киберагрессии – VI октант «Зависимый – послушный», связанный с потребностью в помощи окружающих.

Из неконформных октантов один свободен от связи со всеми видами киберагрессии кроме произвольно-ответной – I октант «Властный – лидирующий», связанный с властью, склонностью управлять, а также нетерпимостью к критике и догматичностью.

Кроме этого, можно увидеть, что обобщенная шкала «Доминирование» имеет отрицательную связь первого уровня значимости с произвольно-инициативной киберагрессией, связанной с продуманным развлечением за счет издевательств над другими людьми в Интернете. То есть чем больше человек склонен к доминированию, тем меньше он стремится издеваться над другими в Интернете (и наоборот).

Также общая шкала «Дружелюбие» имеет отрицательную корреляцию со всеми видами киберагрессии кроме произвольно-ответной. Таким образом, хотя вообще человек с высокими показателями дружелюбия не склонен к агрессивным действиям в Интернете, дружелюбие не препятствует осознанной мести в ответ на чужие издевательства.

Таблица 2

Корреляция между ответами на вопрос-дискриминатор блока «Внутришкольный кибербуллинг» и результатами опросника Лири

Показатели опросника Лири	Роли во внутришкольном кибербуллинге				
	Жертва	Агрессор	Подстрекатель	Рядовой участник	Свидетель
I Властный – лидирующий	0,00	0,00	0,04	0,03	0,10
II Независимый – доминирующий	0,02	0,06	0,04	0,02	0,11
III Прямолинейный – агрессивный	0,06	0,03	0,02	0,04	0,12
IV Недоверчивый – скептический	0,16	0,00	0,02	0,07	0,15
V Покорный – застенчивый	0,06	-0,06	-0,02	0,04	0,08
VI Зависимый – послушный	0,06	0,08	0,08	0,16	0,11
VII Сотрудничающий – конвенциальный	0,01	-0,11	-0,08	-0,06	-0,03
VIII Ответственный – великодушный	-0,03	-0,12	-0,06	-0,07	-0,05
Общая шкала «Доминирование»	-0,12	-0,02	0,00	-0,10	-0,04
Общая шкала «Дружелюбие»	-0,09	-0,13	-0,09	-0,08	-0,16

Примечание: жирным шрифтом указаны значимые корреляции. Критические значения корреляции $r_{кр.} = 0,124$, $p < 0,05$, $r_{кр.} = 0,163$, $p < 0,01$.

Как видно из таблицы 2, существует корреляция первого уровня между IV октантом «Недоверчивый – скептический», связанным с недоверчивостью, подозрительностью, критичностью к окружающим [2], и участием во внутришкольном кибербуллинге в роли жертвы, а также в роли свидетеля. Возможно, когда ребенок наблюдает за травлей или является ее объектом, он становится более критичным и подозрительным, а возможно, наоборот, критичность, обидчивость и подозрительность заставляют ребенка воспринимать те или иные возникающие в интернет-общении ситуации как эпизоды травли.

Также есть корреляция первого уровня между VI октантом «Зависимый – послушный», связанным с потребностью в помощи со стороны окружающих и с зависимостью

от их мнения [2], и участием во внутришкольном кибербуллинге в качестве рядового участника, т. е. того, кто действует по чужому совету, предложению или приказу, что является вполне объяснимым с точки зрения здравого смысла.

Также имеется отрицательная корреляция первого уровня между общей шкалой «Дружелюбие» и участием во внутришкольном кибербуллинге в роли агрессора (что кажется вполне объяснимым), а также свидетеля. Судя по всему, или меньший уровень дружелюбия заставляет ребенка внимательней высматривать эпизоды травли, или простое наблюдение за тем, как травят кого-то другого, провоцирует снижение дружелюбия у ребенка. Возможно и наоборот: дети с высоким дружелюбием не склонны замечать ситуацию травли.

Таблица 3

Корреляция между ответами на вопрос-дискриминатор блока «Внешкольный кибербуллинг» и результатами опросника Лири

Показатели опросника Лири	Роли во внешкольном кибербуллинге				
	Жертва	Агрессор	Подстрекатель	Рядовой участник	Свидетель
I Властный – лидирующий	0,02	0,05	0,00	0,14	0,03
II Независимый – доминирующий	0,01	0,12	0,03	0,19	0,05
III Прямолинейный – агрессивный	0,01	0,06	0,04	0,17	0,07
IV Недоверчивый – скептический	0,06	0,03	0,07	0,26	0,13
V Покорный – застенчивый	0,00	-0,04	0,01	0,22	0,03
VI Зависимый – послушный	0,13	0,06	0,07	0,30	0,08
VII Сотрудничающий – конвенционный	-0,07	-0,07	-0,10	0,12	0,00
VIII Ответственный – великодушный	-0,05	-0,08	-0,07	0,09	-0,06
Общая шкала «Доминирование»	-0,06	0,04	-0,08	-0,11	-0,08
Общая шкала «Дружелюбие»	-0,05	-0,15	-0,13	-0,06	-0,10

Примечание: жирным шрифтом указаны значимые корреляции. Критические значения корреляции $r_{кр.} = 0,124$, $p < 0,05$, $r_{кр.} = 0,163$, $p < 0,01$.

Как видно из таблицы 3, участие во внешкольном кибербуллинге в роли рядового участника имеет значимые корреляции, в том числе второго уровня, с целым рядом октантов опросника Лири, а именно:

1. I октантом «Властный – лидирующий», связанным со склонностью руководить другими и проявлять нетерпимость к критике [2].

2. II октантом «Независимый – доминирующий», связанным с независимостью, склонностью к соперничеству и чувством превосходства по отношению к окружающим [2].

3. III октантом «Прямолинейный – агрессивный», связанным с искренностью, настойчивостью, агрессивностью, несдержанностью [2].

4. IV октантом «Недоверчивый – скептический», связанным со скептицизмом, неконформизмом, обидчивостью и недовольством окружающими [2].

5. V октантом «Покорный – застенчи-

вый», связанным с готовностью выполнять чужие обязанности, чувством вины, склонностью к самоуничижению [2].

6. VI октантом «Зависимый – послушный», связанным с потребностью в помощи и доверии со стороны окружающих, зависимостью от их мнения [2].

Обращает на себя внимание тот факт, что наиболее высоких значений корреляция между участием во внешкольном кибербуллинге в роли рядового участника и октанты опросника Лири достигают как в случае двух «конформных» октантов – V и VI, так и одного неконформного, IV. Таким образом, «портрет типичного рядового участника внешкольного кибербуллинга», т. е. человека, который осуществляет травлю в Интернете по чужой указке, получается довольно-таки противоречивый.

Также есть связь между ролью свидетеля во внешкольном кибербуллинге и IV октантом «Недоверчивый – скептический» (как и во внутришкольном кибербуллинге),

однако, в отличие от внутришкольного кибербуллинга, роль жертвы с ним не связана.

Участие во внешкольном кибербуллинге в роли жертвы связано с VI октантом «Зависимый – послушный». Возможно, дети, зависящие от чужого мнения, чаще становятся жертвами травли в Интернете со стороны посторонних людей, а возможно, они становятся зависимыми под влиянием внешкольного кибербуллинга.

Кроме того, есть отрицательная корреляция первого уровня между шкалой «Дружелюбие» с участием во внешкольном кибербуллинге в роли агрессора (совпадает с результатами анализа внутришкольного кибербуллинга) и подстрекателя.

Кроме того, была установлена связь между киберагрессией и участием в кибербуллинге в той или иной роли (см. табл. 4 и 5).

Таблица 4

Корреляция между ответами на вопрос-дискриминатор блока «Внутришкольный кибербуллинг» и результатами опросника «Киберагрессия»

Виды киберагрессии	Роли во внутришкольном кибербуллинге				
	Жертва	Агрессор	Подстрекатель	Рядовой участник	Свидетель
Импульсивно-ответная киберагрессия	0,20	0,14	0,18	0,26	0,17
Произвольно-ответная киберагрессия	0,20	0,17	0,17	0,17	0,20
Произвольно-инициативная киберагрессия	0,28	0,24	0,29	0,30	0,19
Импульсивно-инициативная киберагрессия	0,28	0,22	0,26	0,27	0,22
Суммарный показатель киберагрессии	0,27	0,22	0,26	0,29	0,22

Примечание: жирным шрифтом указаны значимые корреляции. Критические значения корреляции $r_{кр.} = 0,124$, $p < 0,05$, $r_{кр.} = 0,163$, $p < 0,01$.

Как видно из таблицы 4, участие во внутришкольном кибербуллинге в любой роли, включая жертву и свидетеля, связано со всеми видами киберагрессии. Наиболее сильная связь между участием во всех ролях внутришкольного кибербуллинга и инициативными видами киберагрессии, т. е. связанной в первую очередь со спонтанной шуткой или с продуманным развлечением с помощью издевательств. Обращает на себя внимание также сильная связь между участием во внутришкольном кибербуллинге в

качестве рядового участника, т. е. того, кто выступает преследователем не по своей инициативе, а по предложению, просьбе или приказу кого-то другого, и импульсивно-ответной киберагрессией.

Также важно отметить, что участие во внутришкольном кибербуллинге в качестве жертвы имеет очень высокие показатели корреляции со всеми видами киберагрессии, причем, как и у остальных, наиболее высокая корреляция именно с инициативными видами киберагрессии, а не с ответными.

Таблица 5

Корреляция между ответами на вопрос-дискриминатор блока «Внешкольный кибербуллинг» и результатами опросника «Киберагрессия»

Виды киберагрессии	Роли во внутришкольном кибербуллинге				
	Жертва	Агрессор	Подстрекатель	Рядовой участник	Свидетель
Импульсивно-ответная киберагрессия	0,18	0,17	0,14	0,28	0,12
Произвольно-ответная киберагрессия	0,35	0,20	0,23	0,41	0,19
Произвольно-инициативная киберагрессия	0,33	0,19	0,28	0,45	0,21
Импульсивно-инициативная киберагрессия	0,33	0,15	0,29	0,40	0,21
Суммарный показатель киберагрессии	0,34	0,20	0,26	0,44	0,20

Примечание: жирным шрифтом указаны значимые корреляции. Критические значения корреляции $r_{кр.} = 0,124$, $p < 0,05$, $r_{кр.} = 0,163$, $p < 0,01$.

Анализируя таблицу 5, мы видим связь между всеми видами киберагрессии и участием во всех ролях внешкольного кибербуллинга. Обращает на себя внимание, что роль агрессора, т. е. человека, который са-

мостоятельно совершает враждебные действия против других людей в Интернете, имеет наименее сильные корреляции с киберагрессией, чуть выше – роль свидетеля, а потом – роль подстрекателя. Наиболее

сильная связь с киберагрессией у жертвы и рядового участника, причем у жертвы наиболее высока связь с произвольно-ответной киберагрессией, а у рядового участника – с произвольно-инициативной.

Импульсивно-ответная киберагрессия обладает наименее сильной связью со всеми ролями внешкольного кибербуллинга по сравнению с другими видами киберагрессии.

Обсуждение. Несмотря на то, что естественно было бы ожидать, что исследование покажет связь между такими качествами, как агрессивность, властность, склонность к доминированию для преследователей и зависимость, покорность, конформность для жертв, результаты получились неожиданные, хотя и объяснимые. Судя по всему, и яркое проявление конформности, и яркое проявление неконформности могут провоцировать кибербуллинг и киберагрессию.

Интерес представляет связь с ролью жертвы неконформного типа межличностного поведения в случае внутришкольного кибербуллинга и конформного в случае внешкольного кибербуллинга. Таким образом, портрет жертвы в этих двух видах травли заметно различается.

Легко предположить, что школьники, обладающие недоверчиво-скептическим типом межличностного общения, по всей видимости, из-за своей подозрительности легче всего замечают случаи кибербуллинга (или предполагают его там, где его нет). Возможно также, что частое наблюдение за травлей в Интернете делает таких школьников более подозрительными.

Схожая закономерность может быть актуальна и в случае рядовых участников внутришкольного кибербуллинга. Зависимость от чужого мнения, очевидно, должна влиять на склонность рядового участника осуществить кибербуллинг в адрес школьных товарищей по чужой указке.

Также интересно, что, хотя во внутришкольном кибербуллинге рядовое участие связано с зависимостью, послушностью, склонностью подчиняться, с рядовым участием во внешкольном кибербуллинге связан намного более широкий круг типов межличностного поведения, и преобладают неконформные октанты, хотя связь с октантом «Зависимый – послушный» наиболее сильная.

С тем же октантом связана роль жертвы внешкольного кибербуллинга. Возможно, наиболее зависимые дети легче становятся жертвами посторонних людей.

При этом ни агрессор, ни подстрекатель не отличаются ни властностью, ни склонностью доминировать, ни агрессивностью, ни одним из качеств, которые, казалось бы, могли провоцировать подобное поведение.

Далее можно выделить, что участие в

кибербуллинге в любой роли связано со всеми видами киберагрессии. Причем в рамках практически любой роли наиболее сильной оказывается связь субъективной частоты участия (в данной роли) и произвольно-инициативной киберагрессией. Исключение представляет только участие в роли жертвы внешкольного кибербуллинга, наиболее сильно связанное с произвольно-ответной киберагрессией.

Сложно утверждать, что является первичным – склонность к киберагрессии или участие в кибербуллинге в той или иной роли. Можно предположить, что эти явления взаимно влияют друг на друга, обеспечивая замкнутый круг киберагрессивного поведения.

Заключение. Было проведено исследование взаимосвязи кибербуллинга, киберагрессии и типа межличностного общения. Обнаружена связь между IV октантом «Недоверчивый – скептический» и участием во внутришкольном кибербуллинге в роли жертвы и свидетеля, а также участием во внешкольном кибербуллинге в роли рядового участника, т. е. того, который действует по указке других, и свидетеля, а также связь между VI октантом «Зависимый – послушный» и участием во внутришкольном кибербуллинге в роли рядового участника, во внешкольном кибербуллинге в роли жертвы и рядового участника.

С ролью рядового участника кибербуллинга связаны:

1. I октант «Властный – лидирующий».
2. II октант «Независимый – доминирующий».
3. III октант «Прямолинейный – агрессивный».
4. IV октант «Недоверчивый – скептический» (как уже говорилось выше).
5. V октант «Покорный – застенчивый».
6. VI «Зависимый – послушный» (как уже говорилось выше).

Таким образом, с участием во внешкольном кибербуллинге в качестве рядового участника связаны все типы межличностного общения, кроме тех, которые непосредственно связаны с сотрудничеством и помощью другим людям. Наибольшая связь, однако, у этой роли с октантами IV «Недоверчивый – скептический» и VI «Зависимый – послушный». При этом IV «Недоверчивый – скептический» октант из всех видов киберагрессии наиболее связан с ответными типами, а не с инициативными.

Таким образом, напрашивается вывод, что при работе с кибербуллингом психологу следует наибольшее внимание сосредоточить на детях с выраженным IV октантом, со склонностью к критицизму и обидчивостью [2] и замкнутостью [6] не только как на потенциальных жертвах кибербуллинга,

но и как на тех, кто может помочь в выявлении случаев кибербуллинга среди других детей.

Также большое внимание следует уделить детям с выраженным VI октантом, для которых характерна зависимость от мнения окружающих [2], потребность в привязанности и теплых отношениях [6]. Такие дети могут искать желаемой поддержки в том числе через участие в деструктивной деятельности, воспринимая участие в травле как способ

наладить отношения с товарищами, по чьей просьбе они ее осуществляют.

Необходимо также поставить вопрос относительно круга киберагрессии, ситуации, когда участие в кибербуллинге, в том числе в роли жертвы и свидетеля (а также и преследователя), возможно, способствует развитию склонности участников к собственным проявлениям киберагрессии, превращая их, таким образом, в преследователей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антипина, С. С. Опросник «Типология киберагрессии»: структура и первичные психометрические характеристики / С. С. Антипина. – Текст : непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2021. – Т. 23, № 1. – С. 113–122. – DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-113-122>.
2. Глуханюк, Н. С. Практикум по психодиагностике : учеб. пособие / Н. С. Глуханюк. – 4-е изд., стер. – М. : Издательство Московского психолого-социального института ; Воронеж : Издательство НПО «МОДЭК», 2009. – Текст : непосредственный.
3. Назаров, В. Л. Буллинг и кибербуллинг в современной школе / В. Л. Назаров, Н. В. Авербух, А. В. Буйначева. – Текст : непосредственный // Образование и наука. – 2022. – № 24 (2). – С. 169–205. – DOI: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2022-2-169-205>.
4. Назаров, В. Л. Картина школьной травли и кибербуллинга глазами школьников / В. Л. Назаров, Н. В. Авербух, А. В. Буйначева. – Текст : непосредственный // Педагогическое образование в России. – 2022. – № 6. – С. 157–171. – DOI: https://doi.org/10.26170/2079-8717_2022_06_20.
5. Назаров, В. Л. Кибербуллинг внутри и вне школьного коллектива / В. Л. Назаров, Н. В. Авербух, А. В. Буйначева. – Текст : непосредственный // Педагогическое образование в России. – 2021. – № 6. – С. 69–79.
6. Собчик, Л. Н. Психология индивидуальности. Теория и практика психодиагностики / Л. Н. Собчик. – СПб. : Издательство «Речь», 2003. – Текст : непосредственный.
7. Bastiaensens, S. Cyberbullying on social network sites. An experimental study into bystanders' behavioural intentions to help the victim or reinforce the bully / S. Bastiaensens, H. Vandebosch, K. Poels et al. – Text : immediate // Computers in Human Behavior. – 2014. – Vol. 31. – P. 259–271. – DOI: [10.1016/j.chb.2013.10.036](https://doi.org/10.1016/j.chb.2013.10.036).
8. Bastiaensens, S. “Were You Cyberbullied? Let Me Help You.” Studying Adolescents' Online Peer Support of Cyberbullying Victims Using Thematic Analysis of Online Support Group For a / S. Bastiaensens, K. van Cleemput, H. Vandebosch et al. – Text : immediate // Narratives in Research and Interventions on Cyberbullying among Young People / ed. by H. Vandebosch, L. Green. – Springer : Cham, 2019. – DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-04960-7_7.
9. Grigg, D. W. Cyber-aggression: definition and concept of cyberbullying / D. W. Grigg. – Text : immediate // Australian Journal of Guidance and Counselling. – 2010. – Vol. 20, no. 2. – P. 143–156. – DOI: [10.1375/ajgc.20.2.143](https://doi.org/10.1375/ajgc.20.2.143).
10. Kowalski, R. M. Bullying in the digital age: A critical review and meta-analysis of cyberbullying research among youth / R. M. Kowalski, G. W. Giumetti, A. N. Schroeder, M. R. Lattanner. – Text : immediate // Psychological Bulletin. – 2014. – Vol. 140, no. 4. – P. 1073–1137. – DOI: [10.1037/a0035618](https://doi.org/10.1037/a0035618).
11. Menesini, E. Cyberbullying definition among adolescents: A comparison across six European countries / E. Menesini, A. Nocentini, B. E. Palladino et al. – Text : immediate // Cyberpsychology, Behavior and Social Networking. – 2012. – Vol. 15, no. 9. – P. 455–463. – DOI: [10.1089/cyber.2012.0040](https://doi.org/10.1089/cyber.2012.0040).
12. Obermaier, M. Bystanding or standing by? How the number of bystanders affects the intention to intervene in cyberbullying / M. Obermaier, N. Fawzi, T. Koch. – Text : immediate // New Media & Society. – 2016. – Vol. 18 (8). – P. 1491–1507. – DOI: [10.1177/1461444814563519](https://doi.org/10.1177/1461444814563519).
13. Olweus, D. School bullying: Development and some important challenges / D. Olweus. – Text : immediate // Annual Review of Clinical Psychology. – 2013. – No. 9. – P. 751–780. – DOI: [10.1146/annurev-clinpsy-050212-185516](https://doi.org/10.1146/annurev-clinpsy-050212-185516).
14. Runions, K. C. Toward a conceptual model of motive and self-control in cyberaggression: Rage, revenge, reward and recreation / K. C. Runions. – Text : immediate // Journal of Adolescence. – 2013. – Vol. 42. – P. 751–771. – DOI: [10.1007/s10964-013-9936-2](https://doi.org/10.1007/s10964-013-9936-2).
15. Willard, N. E. Cyberbullying and cyberthreats: Responding to the challenge of online social aggression, threats, and distress / N. E. Willard. – Champaign, IL : Research Press, 2007. – Text : immediate.

REFERENCES

1. Antipina, S. S. (2021). Oprosnik «Tipologiya kiberagressii»: struktura i pervichnye psikhometricheskie kharakteristiki [Questionnaire “Typology of Cyber Aggression”: Structure and Primary Psychometric Characteristics]. In *Vestnik Kemerskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 23. No. 1, pp. 113–122. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-113-122>.
2. Glukhanyuk, N. S. (2009). *Praktikum po psikhodiagnostike* [Workshop on Psychodiagnostics]. 4th edition. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo psikhologo-sotsial'nogo instituta, Voronezh, Izdatel'stvo NPO «MODEK».

3. Nazarov, V. L., Averbukh, N. V., Buinacheva, A. B. (2022). Bulling i kiberbulling v sovremennoi shkole [Bullying and Cyberbullying in a Modern School]. In *Obrazovanie i nauka*. No. 24 (2), pp. 169–205. DOI: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2022-2-169-205>.
4. Nazarov, V. L., Averbukh, N. V., Buinacheva, A. B. (2022). Kartina shkol'noi travli i kiberbullinga glazami shkol'nikov [A Picture of School Bullying and Cyberbullying through the Eyes of Schoolchildren]. In *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. No. 6, pp. 157–171. DOI: https://doi.org/10.26170/2079-8717_2022_06_20.
5. Nazarov, V. L., Averbukh, N. V., Buinacheva, A. B. (2021). Kiberbulling vnutri i vne shkol'nogo kollektiva [Cyberbullying Inside and Outside the School Community]. In *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. No. 6, pp. 69–79.
6. Sobchik, L. N. (2003). *Psikhologiya individual'nosti. Teoriya i praktika psikhodiagnostiki* [Psychology of Individuality. Theory and Practice of Psychodiagnosics]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo «Rech'».
7. Bastiaensens, S., Vandebosch, H., Poels, K. et al. (2014). Cyberbullying on Social Network Sites. An Experimental Study into Bystanders' Behavioural Intentions to Help the Victim or Reinforce the Bully. In *Computers in Human Behavior*. Vol. 31, pp. 259–271. DOI: [10.1016/j.chb.2013.10.036](https://doi.org/10.1016/j.chb.2013.10.036).
8. Bastiaensens S., van Cleemput K., Vandebosch H. et al. (2019). “Were You Cyberbullied? Let Me Help You.” Studying Adolescents' Online Peer Support of Cyberbullying Victims Using Thematic Analysis of Online Support Group Fora. In Vandebosch, H., Green, L. (Eds). *Narratives in Research and Interventions on Cyberbullying among Young People*. Springer, Cham. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-04960-7_7.
9. Grigg, D. W. (2010). Cyber-aggression: Definition and Concept of Cyberbullying. In *Australian Journal of Guidance and Counselling*. Vol. 20. No. 2, pp. 143–156. DOI: [10.1375/ajgc.20.2.143](https://doi.org/10.1375/ajgc.20.2.143).
10. Kowalski, R. M., Giumetti, G. W., Schroeder, A. N., Lattanner, M. R. (2014). Bullying in the Digital Age: A Critical Review and Meta-analysis of Cyberbullying Research among Youth. In *Psychological Bulletin*. Vol. 140. No. 4, pp. 1073–1137. DOI: [10.1037/a0035618](https://doi.org/10.1037/a0035618).
11. Menesini, E., Nocentini, A., Palladino, B. E. et al. (2012). Cyberbullying Definition among Adolescents: A Comparison Across Six European Countries. In *Cyberpsychology, Behavior and Social Networking*. Vol. 15. No. 9, pp. 455–463. DOI: [10.1089/cyber.2012.0040](https://doi.org/10.1089/cyber.2012.0040).
12. Obermaier, M., Fawzi, N., Koch, T. (2016). Bystanding or Standing by? How the Number of Bystanders Affects the Intention to Intervene in Cyberbullying. In *New Media & Society*. Vol. 18 (8), pp. 1491–1507. DOI: [10.1177/1461444814563519](https://doi.org/10.1177/1461444814563519).
13. Olweus, D. (2013). School Bullying: Development and Some Important Challenges. In *Annual Review of Clinical Psychology*. No. 9, pp. 751–780. DOI: [10.1146/annurev-clinpsy-050212-185516](https://doi.org/10.1146/annurev-clinpsy-050212-185516).
14. Runions, K. C. (2013). Toward a Conceptual Model of Motive and Self-control in Cyberaggression: Rage, Revenge, Reward and Recreation. In *Journal of Adolescence*. Vol. 42, pp. 751–771. DOI: [10.1007/s10964-013-9936-2](https://doi.org/10.1007/s10964-013-9936-2).
15. Willard, N. E. (2007). *Cyberbullying and Cyberthreats: Responding to the Challenge of Online Social Aggression, Threats, and Distress*. Champaign, IL, Research Press.